

И.А.
БУТЧИН

Собрание сочинений в девяти томах //Художественная литература,
Москва, 1967
FB2: "fb2design ", 25 August 2011, version 1.1
UUID: D231E673-004D-46AA-AE12-CB3599C020DB
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Смерть пророка

Содержание

#1	0005
Комментарии	0020

Иван Алексеевич Бунин
СМЕРТЬ ПРОРОКА

Во имя бога милостивого, милосердного. Вот рассказ о смерти пророка, — мир ему! — дабы утвердились сомневающиеся в необходимости покоряться Вожатому.

«Мы не видели и не видим его», — говорят они. Но солнце не виновато, что глазам летучей мыши не дано зрения. Сердце человека ищет веры и защиты. Кто же прибегает к защите совы? Лучше мечтать о сени феникса, хотя бы феникс и не существовал в мире. Сень же творца существует от века.

Черноух следует за львом: лев знает, где добыча, а черноух питается остатками его трапезы. Так шли евреи за пророком из Египта. По милости божией, он совершил подвиг.

Он испытал сладость сна, пробуждения и ласки в детстве. Царская дочь качала его на своих темных и круглых руках, гладких, как змея, но теплых, как плод на солнце. Она радостно и пристально смотрела на него черными глазами и порывисто целовала, прижимая к холодным грудям; она притворно душила его, как делают это все девушки. Вспоминая подобное, не один восклицает в сердце: «Зачем не юношей был я тогда!» Но всему свое

время.

Фараон дал ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утренняя свежесть сменяется теплом солнца, когда на базаре поливают укроп, чтобы привлечь обоняние покупателя, когда пахнет из труб и туманом с большой реки, по которой медленно, в пару, идут высокие белые паруса, а редкобородый буйвол, сизый и шершавый, как свинья, тупо глядит на них из прибрежного ила, — пророк, чувствуя силы и бодрость, ехал в колеснице надзирать за полевыми работами и мог по голове стегать бичом ленивых, кричать на них до красноты лица, чтобы сладко, в сознании исполненного долга, отдохнуть потом в легкой тени пальм, на сухой плотине между каналами.

Возмужав, он провел десять лет в супружестве. Он спал с женщиной богатой и дородной, он наслаждался ею ночью, а днем своими распоряжениями и заботами, питьем и пищей, легкостью тела, любившего и сухой жар внутри двора, и прохладное веяние ветра по дому, приходившего с реки и от цветущих садов острова. Он гордился почетом людей. И

был счастлив, как многие. Но незримая рука натягивала лук его жизни; она пробовала тетику и древко, готовясь пускать стрелы истины. И еще десять лет провел он в работе ума и сердца, в молчаливом постижении мудрости Египта ибо стене предшествует основание, а речи — мысль. И сказал о жрецах: «Глупцы! Рабам, страдающим от зноя, простительно воздевать руки к солнцу и призывать его, как бога. Но солнце — не бог. Бога никто не может видеть. Он непостижим. Его можно только чувствовать. Он один. У него нет детей». И тогда фараоном овладела ярость, как диким ослом, гуром. «Кто смеет жить и верить без моего соизволения? — воскликнул он. — У него нет драгоценных колец на пальцах, нет ожерелья на шее. Он мой раб. Вот я воздвигну гонение на него и на весь народ его. Я блесну, как молния, я оглушу, как гром». Пророк же напряг силы, как человек, стоящий перед крутым подъемом в гору, и пошел своим путем без страха и уверенно.

Мускус растирают, алоэ кладут на огонь, чтобы дали они запах. Водолаз не сорвал бы ни единой жемчужной раковины, если бы бо-

ялся задерживать дыхание, бросаясь в море. И когда настало время поднять самый тяжелый камень для здания, вскинуть его на колени, перехватить покрепче и нести, пророк вскинул его до боли в паху. И сорок лет нес в пустыне, напряженный, изнемогающий и радостный сознанием, что творит волю бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителем, кинул камень ладно и плотно, и выпрямился, и отер пот с лица — рукой дрожащей, ослабевшей и ноющей до самого плеча.

И настало время умереть ему.

Он познал истинного бога. Он убедился, что безумно изображать его в виде идолов из камня, глины и металла. Бог возложил на него подвиг освобождения еврейского народа от рабства и соблазна идолопоклонства: и он порвал шелковые сети мира, восстал и одолел в борьбе. Бог послал ему испытание: сорок лет быть вождем строптивых и слабых, предводительствовать и поучать в голодной и знойной пустыне. И сорок лет был он властен, как царь, неутомим, как поденщик, обремененный детьми, нищ, как пастух, кре-

пок и высок, как борец, силен и рыж, как лен. Тело его, лишь по чреслам препоясанное звериной шкурой, стало черным от солнца и ветра, а ступни грубы и мозолисты, как у верблюда. В старости он стал страшен для людей, и никто из них не думал, что он смертен. Но час его пробил.

Вы, слушающие! В Книге написано: «Все зачаты в лоне истины, — это родители делают из детей евреев, христиан, огнепоклонников». Мудрый, как слепой: он ощупывает палкой каждый камень, выбирая путь правый, он поднимает лицо кверху, тянется к единому источнику света и тепла. Он думает о жизни и о смерти, уменьшая страх свой перед нею. И было немало тех, что приняли чашу неизбежно спокойно; были и те, что говорили: она сладостна так же, как чаша жизни. Только глупец тянется к чаше смерти при жизни. Вид его противен. Но и тот глупец, кто не думает о неизбежном, кто забывает, что у всех смертных должен быть единый Возлюбленный, обладающий благостью и требующий покорности. Вы, слушающие! Слушайте внимательно, как всегда должен слушать чело-

век человека, и, слушая, думайте. Ибо мы говорим, мешая чужие хорошие слова со своими порядочными, о том, что не чуждо ни единому из нас, и цель наша — утешение.

В Книге написано: «Мы к человеку ближе, чем его сонная жила». Бог милосерд. Он знает, что хорошо и что дурно для нас. Он сотворил нас смертными, мы же думаем противиться смерти. Напрасный труд! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двуроугому[1] достигнуть Страны Мрака? Все же ему не удалось испить воды вечной жизни[2], о которой ему говорили: она в Стране Мрака. Ангел ветров не заботится о том, что от крыл его погаснет светильник бедной вдовы. Гонец смерти не внемлет ни мольбе пастуха, ни воплю владыки. Погоди: земля выест мозги из наших черепов, полных замыслов. Смерть не могол, и ты не Атабек-Абубекр[3]: от нее не откупишься золотом.

Пророк воспротивился воле бога в пустыне; и за ослушание был наказан тяжело: бог запретил ему войти в землю обетованную. Пророк возмутился духом, когда вспомнил, что он сказал смертен и что смерть уже близка к

нему, ибо он был стар. Он сказал: «Я вступлю в единоборство с нею». В полдень, проходя по еврейскому стану в горах Моава, он не увидел на белых камнях возле себя своей тени. И затрепетал от страха, и помутилось в голове его, как у человека, сраженного лихорадкой. Тогда пошел он к шатру своему поступью, какой идет раненый зверь на противника. И препоясался мечом и приказал подать пищи. И ел много и жадно, до пресыщения. И почувствовал боли и тошноту, как бы от плода с адского древа Заккум[4], и позеленел в лице, покрылся потом, как рожаящая женщина, и лег на землю, крича дико: «Вот я умираю, обнажите мечи и встаньте на защиту мою!» Так кричал он первый день. На второй день боли усилились, и он стал молить, стеноя и злобствуя: «Позовите врача ко мне!» Когда же врач обнаружил свое бессилие, и настал третий день, пророк сказал тихо: «О, пожалейте меня! Смерть непобедима!» И ослабел, и впал в сон, и спал весь день и боли отступили от него. И, очнувшись, увидел, что уже ночь, он один, и опять ощутил сладость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли к нему два тем-

ных ангела, чтобы утешить и приготовить его.

Один сел в возглавии, другой — в ногах пророка. «Говори!» — сказали они. Но он молчал и не ответил им, думая. Он глядел в ночь, за приподнятую полу шатра, в страхе чувствуя их присутствие, ибо еще не вошла во все жилы его истина. И было так тихо в шатре и в пустыне, что все трое слышали шорох горячего ветра, пробежавшего в темноте мимо. Звезды же горели сумрачно, как во все жаркие ночи.

«Бог милосерд к своим созданиям», — сказал ангел, сидящий в головах пророка.

«Но вот человек страдающий: он умирал и умирает», — сказал ангел, сидящий в ногах его.

Они хотели испытать пророка, но он понял это. И ответил, думая:

«Это не смерть, а болезнь, наказание. Не лучше ли так думать? Ибо испытавший смерть не может говорить о ней. Мы не знаем ее».

«Солнце — источник жизни», — сказал ангел, сидящий в возглавии.

«Но оно же и смертельно, как рогатая гадюка», — сказал ангел, сидящий напротив.

Они хотели испытать пророка, но он понял это. И ответил, думая:

«Мы не знаем цели бога. А он благ, и цель его — благая. Не лучше ли так думать? Каждое мгновение свое должен человек посвящать жизни, помня о смерти лишь затем, дабы взвешивать дела свои на весах ее и без страха встретить час неизбежный. Как бы знал торгующий, что он честен с покупателем, что он дает ему должное, если бы не было весов? Как бы провел свой день человек, если бы сердца его не покидало ощущение, что зайдет в свой час солнце, если бы овладело им желание не допустить этого? Был бы он безумен и бесплоден».

«Сон мертвых сладок», — сказал ангел, сидящий в возглавии.

«Но вот умер в стане еврейском человек счастливый, молодой любимый, — сказал ангел, сидящий напротив, — Ты послушай: вот шорох горячего ветра, пробегающего в темноте мимо, звезды горят сумрачно, и гиены плачут и скулят от злого счастья, торопливо раз-

рывающая могилу, пригнувшись к зловонному и предвкушая пожирание внутренностей. Скорбь же близких умершего страшней самой могилы».

Они хотели испытать пророка и ранили сердце его. Но, думая, он сказал им:

«Я вспоминаю каждое мгновение моей жизни: сладкого детства, радостной молодости, трудового мужества — и оплакиваю их. Вы говорите о могиле, — и руки мои холодеют от страха. Прошу вас: не утешайте меня, ибо утешение лишает мужества. Прошу вас: не напоминайте мне о теле, ибо оно сгниет. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защищенную от ветров, где провел человек хотя бы один день, покидает он с сожалением; но он должен идти, если идти необходимо. Говоря со страхом о могиле, не говорим ли мы словами древних, знавших тело и не знавших бога и бессмертия душ? Страшно величие дел божиих. Не принимаем ли мы этот страх за страх смерти? Чаше говорите себе: час ее не так страшен, как мы думаем. Иначе не мог бы существовать ни мир, ни человек».

«Он мудр», — сказал ангел, сидящий в воз-

главии.

«Он был строптив и дерзок, — сказал ангел, сидящий напротив. — Он мечтал бороться с богом и вот снова будет наказан: ни единый смертный не укажет могилы его в горах Моава. И тем уменьшится слава его».

Они хотели испытать пророка, но он понял их и ответил им твердо:

«Благостна слава достойных славы; но должно быть уменьшено то, что заслужило уменьшения. Ибо и самого славного радуется только истинная мера славы».

Тогда ангелы, пораженные его мудростью, воскликнули, вставая с мест:

«Воистину сам Бог утешит тебя! Мы же поклоняемся тебе».

Они были темны и стояли в темном шатре. Но глаза их сияли, и пророк видел звездное сияние их глаз. Они отошли в ночь, как тени, чуть склонясь при выходе из шатра. Пророк же остался один среди ночи и пустыни, лежа на земле. И когда взошло солнце из-за каменистых гор, и стало светло и жарко в шатре, пророк, чувствуя великую жажду отдыха в прохладе, оставил свое ложе и пошел в доли-

ну среди гор, ища тени. Но и в долине уже не было ее. В недрах же одной горы была пещера. И вот два невольника острыми кирками осекают вход в пещеру. Камни у входа были белы, как снег горный, и горячи от солнца. И черные волосы медноликих невольников и повязки вокруг чресл их были мокры от пота. Но два свежих плода, два яблока лежало на камне возле пещеры, а в пещере были мрак и прохлада. И сказали работавшие, опуская кирки:

«Приветствуем тебя, господин и вождь, во имя бога милостивого, милосердного. Вот мы кончили свой труд».

И пророк спросил их:

«Кто вы и что вы делали?»

Они же ответили ему:

«Мы готовили для царя кладохранильницу. Войди, взгляни и отдохни от пути и зноя. Уста свои освежи плодами и скажи нам: какой слаще из них?»

И, войдя в пещеру, пророк сел на каменное ложе у стены ее и почувствовал тень и прохладу. И, откусив первого плода, сказал:

«Воистину это сама жизнь: я пью ключе-

вую воду, я обоняю благоухание полевых цветов и чувствую вкус осинога меда. Я бодр и силен».

И, откусив второго, воскликнул:

«Воистину это ни с чем несравнимо: я пью вина райские, запечатанные печатью из мускуса, смешанные с водой источника, утоляющего жажду тех, что приближаются к Вечному. Я обоняю аромат Сада небесного и чувствую вкус меда из цветов его: в этом меде нет горечи. И вот, сон блаженный туманит мне голову. Не будите меня, невольники, доколе не исполнится мой срок».

И невольники, — это были невольники божии, — стали тихо продолжать затихающую речь его:

«Доколе, — сказал первый, читая суру о Великой Вести[5], — доколе солнце не будет согнуто, не падут с неба звезды, не сдвинутся с места горы, не будут покинуты верблюдицы, не соберутся в стаи дикие звери, не закипят моря...»

«Я Син[6], — сказал второй, читая суру Отходную. — Слава царствующему надо всем миром! Вы все возвратитесь к нему...»

И, слушая невольников, их тихое, мерное чтение, пророк возлег на ложе и опочил сном смерти, не ведая того. И они укрыли вход в могильную пещеру и отошли к господину, посылавшему их. И приложился пророк к народу своему, насыщенный днями и не заметив конца своих дней. Никто, даже доньне, не созерцал его могилы в горах Моава. Но мудрость его запечатлена в памяти всех народов и записана на небесах в книге вечной[7] — Гилльюн.

Шейх Саади, — да будет благословенно его имя! — шейх Саади, — много его жемчужин нанизали мы рядом со своими на нитку хорошего слога! — рассказал нам о человеке, испытывавшем сладость приближения к Возлюбленному. Человек этот был погружен в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: «Где же цветы из сада мечты твоей?» И человек ответил: «Я хотел набрать для друзей моих целую полу роз; но, когда я приблизился к розовому кусту, так опьянил меня аромат его, что я выпустил ее из рук».

Кто может, тот свяжет рассказ поэта с на-

ШИМ.

Мир и радость всем живущим!

Капри. 1911

Комментарии

Впервые напечатано 28 декабря 2011 г. в газете «Русское слово» под названием «Смерть Моисея».

Рассказ написан на библейский сюжет — о пророке Моисее, освободившем еврейский народ «от рабства и идолопоклонничества».

Повествуя о смерти пророка, Бунин развивает идею: стремление к нравственному идеалу побеждает страх смерти и в конце концов, в своей деятельности, человек обретает бессмертие. Таков в своих стремлениях, для Бунина, Толстой.

18 марта 1925 г. В. Н. Муромцева-Бунина записала в дневнике слова самого Бунина: «Ведь я не верю в смерть».

Примечания

Искандер Зулькарнайн («двурогий») — прозвание Александра Македонского (356—323 до н. э.), царя Македонии, завоевавшего Малую Азию, Палестину, Египет, Персию и часть Индии, запад и восток — оба рога вселенной.

[^^^]

2

Согласно персидским легендам, Искандер мечтал найти «воду жизни». Вода жизни — символ бессмертия для посвятивших себя тому, чтобы творить благие дела, для душ чистых и праведных.

[^^^]

Атабек-Абубекр, или Абу-Бакр — правитель Фарса (Фаристана, в 1226—1258), области на юге Ирана, которая была самостоятельной и подчинила себе значительную часть Ирана. Благодаря мудрой политике Абу-Бакра Фарс не был разорен монголами, от которых он откупился золотом. За это Саади превозносил Абу-Бакра и посвятил ему свои книги «Бустан» и «Гулистан».

[^^^]

4

По Корану, плоды этого дерева будут причинять мучения отверженным в аду — «таков будет пир у них в день возмездия»: «Дерево это растет на дне ада. Вершины его уподобляются главам демонов» (*Коран, сура 37*).

[^^^]

5

Сура о Великой Вести — 78-я. К ней по сюжету примыкает 81-я, отрывок из которой пересказывает Бунин.

[^^^]

6

Эти буквы, смысл которых остается неясным, дали название 36-й главе Корана; ее читают как отходную молитву.

[^^^]

Книга вечная — Гилльюн — согласно Корану, «книга, находящаяся на небе и заключающая в себе описание деяний всех людей». О человеке, опьяненном запахом роз, говорится во вступлении к «Гулистану» Саади.

[^^^]